

Сцена 8

Лионардо, брат Микеланджело, и Микеланджело.

Лионардо: Я рассказал о тебе Савонароле.

Микеленджело: Что рассказал?

Лионардо: Рассказал, что Медицийские сады, в которых ты пребываешь, Содом и Гоморра, но ты можешь спастись.

Микеленджело: Спасти? Что ты имеешь в виду?

Лионардо: Пожертвуй скульптуру Господу.

Микеленджело: Об этом со мной хочет поговорить Савонарола?

Лионардо: Люди убедились в его правоте. Смотри.

Подводит Микеланджело к стрельчатому окну.

Лионардо: Художники готовят костер. Это первый костер. Он вышел навстречу жаждущим истины. Он говорит.

Голос Савонаролы: Их интересует плоть. Греховная, похотливая плоть. Не изображение чистейшего Христа, а голые девки.

Микеленджело: Это его голос?

Лионардо: Да, это Савонарола.

Савонарола: Вы лжете, когда говорите об искусстве. Ты вождедеешь, купаешься во грехе и смраде. Это так?

Толпа: Да! Да! Так это! Каемся.

Савонарола: Искусство дар Божий? Искусство дар ада. Искушение. Порнографические картины, порнографические гуляния, порнографические празднества. Вы пойманы в сеть дьявола. Ваши души не будут знать покоя. Тело пребывает в блевотине. Эта мерзость не имеет ничего общего с Его дарами. Здесь, во Флоренции, нет

ничего, что служит Богу. Черные воды смоят грешный город, истинно говорю вам. Все, что служит роскоши, достойно костра. Человек создан для того, чтобы служить Господу. Сожжем суетное!

Рев толпы.

Лионардо: Сейчас он прибедет сюда.

Дверь открывается. Лионардо падает на колени. Савонарола подходит к нише окна и оттуда продолжает свою речь.

Савонарола: Непрестанно молитесь. Все, что видите вокруг, — это ваша молитва. Вы забыли Его, вот откуда кража, кощунство, зависть. Хватит жить иллюзиями! Забудьте искусства, забудьте иллюзии. Вернитесь к Нему, дети мои. Боттичелли, бросай свою мазню в костер.

Снизу голос Боттичелли: Повинуюсь, отец мой.

Савонарола: Скажи, кого ты изображал. Покайся!

Голос Боттичелли: Я изображал развратных девок.

Савонарола: Ты возвращаешься к Господу! Алиллуя! Вы рождены для вечной жизни. Бросайте в очистительный огонь искушения, золото, украшения, картины, наряды (*резко поворачивается к Микеланджело*).

Савонарола: Ты готов пожертвовать камнем? Что молчишь? Гордыня обуяла. Брат твой на пути спасения, и молится за тебя.

Микеланджело: Я его не просил.

Савонарола: Ты каменотес. Высекаешь всякую дьявольщину: Венер, Диан, фавнов. Что ты ответишь на страшном суде? Суда не избежать никому!

Микеланджело молчит. Савонарола скрестил руки.

Микеланджело: Я хочу создать то, что радовало бы людей, возвышало их дух.

Лионардо: Ты выполняешь то, что требует заказчик. Их требования низменны. Не верь тем, кто льстит тебе. Они лгут, говоря, что твое искусство возвышенно. Глянь сюда, горит очистительный огонь. Флоренция бросает в него разврат, возвышенный искусством. Смотри, здесь твои друзья и те, кого ты никогда не узнаешь. Они едины. Будь с нами.

Савонарола: Здесь огонь, здесь крест, здесь нет сатанинских искушений, здесь нет лавров, здесь есть отречение от грехов. У тебя будут розы и алмазы рая. Тебя ожидает мир, который ты не увидишь ни в одном дворце. С нами ты найдешь сладость, какой не найдешь нигде. Уверуй. Отринь размышления. Умствования отринь. Сын мой, ты будешь свободен во имя милосердия Его.

Савонарола крестообразно открыл объятия.

Савонарола: Ты же понимаешь, что Господь глаголет моими устами. Подойди ко мне.

Микеланджело стоит на месте.

Лионардо: Брат, может произойти ужасное.

Савонарола: Произошло (*отпускает руки*). Во мраке проживешь. Постыдна и мерзка жизнь твоя. Из бездны пришел и в бездну уйдешь. Твои истуканы окружают тебя и ни в чем не насытишься.

Микеланджело. Аминь.

Сцена 10

Микеланджело лежит на постели, окруженный склянками и баночками. Дядя Франческо и брат Лионардо.

Дядя Франческо: Это Божья кара настигла тебя, понимаешь?

Лионардо: Я буду молиться за тебя, брат мой.

Дядя Франческо: Не спасут его наши молитвы. Во Флоренции говорят, что с дьяволом якшаешься.

Лионардо: Да, говорят, ты камень заговариваешь. Говорят, что ты колдун.

Дядя Франческо: Тебя никто не сможет защитить, племянничек. За городом ведьму сожгли. И это первый костер. Поверь мне.

Лионардо: Ты язычник, утверждает фра Джираломо, над тобой опасность висит, как меч над родом Медичи. Они уже изгнаны из Флоренции. Уничтожено обиталище разврата.

Микеланджело: Разграблен дворец.

Лионардо: Нет, брат, свершился суд Божий. Лоренцо не получил отпущения от Савонаролы. Сын Лоренцо, Пьеро, нарушил закон о роскоши.

Дядя Франческо: Нет, не нарушил, а преступил. Свадьба Контесины превзошла все мыслимые и немыслимые затраты. Все это за счет флорентийцев. Из дворца даже крысы сбежали.

Микеланджело: Я буду предан роду Медичи.

Дядя Франческо: Предан? Наступили последние дни Флоренции. Фра Савонарола предрек: воды потопа смоят город. Французский король вторгся в Таскано. Народ превзошел все мыслимое в падении своем. Матери пожирают детей своих, а ты говоришь о преданности!

Входит Граначчи.

Дядя Франческо: Пришел твой друг. О нем говорят, что он ездил к чернокнижнику.

Микеланджело: Дядя, я ослаб. Оставьте меня.

Лионардо: Мы будем молиться за тебя, Микеланджело. Тебе нужно сходить к Савонароле. Покаяться и придти к нам в монастырь. Полициано раскаялся в своих грехах.

Уходят.

Микеланджело: Что с Полициано?

Граначчи: Проявилась дурная болезнь. Его и в самом деле сейчас не узнать. Народ смеется и плюет ему вслед. Народ Флоренции не узнать. Не услышишь задорных песен, не увидишь радостных лиц. Как ты себя чувствуешь?

Микеланджело: Теперь лучше.

Граначчи: Долго же ты болел.

Микеланджело: Все в моей судьбе изменилось.

Граначчи: В нашей, Микеланджело. В нашей судьбе. В твоей, может быть, по-особенному.

Микеланджело (*после некоторого молчания*): Как прошла свадьба?

Граначчи: Свадьба Контесины? Ах, да. Ты же знаешь, это политический брак. Струились фонтаны белым и красным вином. Именитых гостей больше тысячи. Королевские подарки, но мне казалось, она искала глазами тебя.

Микеланджело: Я хотел подарить ей Геракла.

Граначчи: Невозможно. Это было бы неправильно понято. Его место во дворике и Строци. Поверь мне, Микеле.

Микеланджело: Пусть будет так.

Граначчи: С чего это твой дядя и брат о чернокнижии заговорили?

Микеланджело: Кто-то видел, как я оглаживаю мрамор и вообразил, что я вождю и разговариваю с камнем. Заговариваю. После проповедей фра Джираломо Савонаролы тебя и других художников считают колдунами.

Граначчи: У Савонаролы армия: тысячи подростков шастают по улицам, срывают украшения. Избивают тех, кто роскошествует. Избивают всех, кто встает на их пути. Он называет их ангелами.

Микеланджело: Как братья-августинцы относятся к нему?

Граначчи: Говорят, что он будет сожжен на костре. Говорят, он жаждет занять престол Папы.

Входит лютнист.

Граначчи (с веселой иронией): А вот еще одно исчадие ада.

Микеланджело: Здравствуй, друг. Ты мне очень помог.

Лютнист: Музыка врачует и тело, и душу.

Микеланджело: Могу точно сказать, что ты мне помог, а не эти отвары.

Лютнист: Я пропою твой сонет.

Микеланджело: Разве он того достоин?

Лютнист: Послушай:

Куют мечи из водосвятных чаш.
Все на потребу: крест и плащаница.
Христова кровь в продаже, как водица.
Невозмутим и нем Спаситель наш.

Воинственна толпа, вошедши в раж.
Но на Голгофу путь не повторится —
Падет на Рим возмездия десница
За святотатство, ханжество и блажь.

Здесь милость тягостней любой обузы.
Повсюду злые козни — дела нет.
И папский гнев страшней угроз Медузы.

Смиренья небо требует в ответ.
Порвем ли мы привычек рабских узы.
Чтоб искупления увидеть свет?

(Перевод А. Махова)

Микеланджело: Написал в холодном гневе.

Граначчи: А как у тебя получился Геракл?

Микеланджело: Его лицо — лицо молодого Лоренцо Великолепного. Лоренцо Медичи — великий правитель и настоящий мужчина.

Лютнист: Зачем же он пригласил Савонаролу?

Микеланджело: После тьмы свет засияет с новой силой.

Граначчи: Лучше расскажи, как ты разговариваешь с камнем?

Микеланджело: Я не разговариваю. Прикасаюсь и чувствую, что он хочет радости освобождения. Я камню дарую свободу. Радость жизни и борьбы.

Лютнист: А народ запомнит твою снежную бабу. Уверен, весь мир будет лепить снежную бабу, когда выпадет снег. А тебя забудут, и твоего Геракла.

Микеланджело: Мой ребенок — Геракл. Герой и бог. Граначчи, ты кого в себе чувствуешь: бога, горя, человека?

Граначчи: Художника. Думаю, хороший портной — это герой, хороший сапожник — это герой, хороший винодел — герой и бог.

Лютнист: Хороший музыкант — человек и бог, хороший монах — бог и человек, хороший купец — герой и человек.

Граначчи: Добрый человек, доброе сердце от Бога.

Микеланджело: Не знаю, что мне делать. Заказов нет. Деньги отдал родным, за это меня они и пилят. Я непокорный сын и племянник. Дядя Франческо пророчит костер.

Лютнист: Накарает.

Граначчи: Тебе нужно бежать из Флоренции навстречу судьбе.

Микеланджело: Что ждет меня? Позор иль смерть?

Граначчи: Иль слава!

Комедия Дель Арте в Болонье

Сцена 11

Альдовранди и Микеланджело.

Альдовранди: Мой юный друг, тебе девятнадцать. Здесь, в Болонье, только и говорят о тебе.

Микеланджело: Зачем вы привели меня на площадь?

Альдовранди: Затем, чтобы ты кое-что узнал о себе и посмеялся. Ах, они уже начинают.

Микеланджело: Я не люблю шуток.

Альдовранди: Площадная молва — преддверие большой славы. Отвлекись, отдохни!

На сцене Панталоне и Доктор.

Панталоне: Доктор, дайте лекарство от любви.

Доктор: Оно дорого стоит.

Панталоне: Тогда дайте лекарство для любви.

Доктор: Оно стоит еще дороже

Панталоне: Что же мне делать? Я влюблен. Я так влюблен, как никогда не был влюблен.

Доктор: Когда ты влюбился?

Панталоне: Сегодня утром. Зашел в собор помолиться. Помолился и влюбился.

Доктор: В какой собор?

Панталоне: Там, где работает скульптор без носа.

Доктор: Ах, да! Микеланджело. Ему покровительствовал Лоренцо Великолепный.

Панталоне: А когда Лоренцо помер, его к себе звал Савонарола, затем пришли французы, и он сбежал в Венецию. Я тогда был влюблен в Лукрецию.

Доктор: А сейчас? Здесь, в Болонье, в кого ты влюблен?

Панталоне: В чью-то жену.

Доктор: Не важно чья, а в кого она влюблена?

Панталоне: В безносого.

Доктор: У него, кажется, есть нос.

Панталоне: У него нет обаяния, обоняния, нюха. Он на нее не обращает внимания.

Доктор: Нет чутья. Так это и понятно. Все в Болонье знают, что он очень набожен. Он фигуру ангела с крыльями ваяет.

Панталоне: Муж любит ее, она любит безносого, безносый любит ангела, а я люблю ее. Что мне делать?

Входит Капитан.

Капитан: Убить его. Дайте мне сто золотых и я его хоть сейчас убью.

Доктор: Убивать нельзя. Я не смогу его лечить

Капитан: Убить надежней, чем лечить. Заплати сто золотых.

Панталоне: Нет, я не могу. Это слишком дорого.

Капитан: Чистая работа. Она стоит двести... девяносто... девять, а я всего-то за сто берушь.

Панталоне: Где ты взял такие цены? У нас в Венеции эта работа стоит несколько скуди.

Доктор: Потерпи немного. Пусть он закончит Ангела и затем его можно будет спокойненько отравить. Почти бесплатно. В Болонье художники долго не живут.

Панталоне: Очень приятный факт (*потирает руки*). А почему долго не живут?

Доктор: Хлеб друг у друга отбирают.

Капитан: Так вы будете платить?

Панталоне: Художники заплатят. (*С волнением*): Это она. Со служанкой. Буду наблюдать за ней издалека.

Входят Вдова и Серветта.

Доктор: Она уже бывшая жена. Я лечил ее мужа.

Капитан: Удачно вылечил. Сколько в сумме за лечение выручил?

Доктор: Мало. Очень мало. Неприлично заглядывать в чужой кошелек. Я добросовестно его лечил.

Капитан: Образование дорого стоит, а я себе на жизнь добываю храбрым сердцем и шпагой. Не посрамлю дворянскую честь!

Серветта: Госпожа, желаете я ему записку передам?

Вдова: Если бы ты могла передать ему мои чувства.

Серветта: Работает день и ночь, но я устрою так, что ночью он окажется в ваших объятиях.

Вдова: А если узнают об этом в Болонье? Мне не по себе от одной мысли.

Серветта: Ах, вы боитесь насмешек. Но его ночные достоинства всех остроловов победят. Уж я-то молодых людей вижу насквозь.

Вдова: А что я сделаю с деньгами?

Серветта: Так это правда? Художники вам заплатили, чтобы вы его опозорили?

Вдова: Художники считают, что он отбирает у них заказы.

Серветта: Будьте уверены, я что-нибудь придумаю.

Появляется Панталоне.

Панталоне: Хорошо, я заплачу пять золотых. Убей его сейчас. Немедленно.

Капитан: Согласен. Только пообедаю. В животе урчит.

Панталоне: Нет, пообедаешь потом, а сейчас убей. Вот тебе один золотой.

Капитан: Эй ты, безносый, иди сюда.

Выходит Арлекин, он играет Микеланджело.

Капитан: Ну, у тебя и морда.

Арлекин: Хочешь иметь такую же?

Капитан (*оборачивается к Панталоне*): Надо заплатить больше. Он угрожает.

Панталоне: У меня с собой... (*что-то шепчет на ухо капитану*). Ты его тихонечко убей. Будут премиальные.

Капитан (*подбадривая себя*): Так ты, юнец, маляр, каменотес, мордобой из Речицы...

Из толпы выкрикивают: Из Флоренции.

Капитан: Так ты мордобой из Флоренции?

Арлекино-Микеланджело: Тебе не нравится Флоренция? Ты назвал меня мордобоем, неучтиво с твоей стороны, Капитан.

Капитан: Я никого не хотел обидеть.

Арлекино-Микеланджело: Я тебя этим камнем обижу.

Капитан: Не надо так поступать. Я могу разозлиться.

Арлекино-Микеланджело: Я уже разозлен.

Лупит Капитана.

Панталоне: Станный человек. Грубый. Никакой учтивости. Унесу ноги, пока цел.

Серветта (*бросается к Арлекино-Микеланджело*): Добрый юноша, тебя ждет сладкая награда.

Арлекино-Микеланджело: За что?

Серветта: Он покушался на честь моей госпожи, а ты ее защитил.

Капитан: На чью я покушался честь? Мне бы свою спасти.

Убегает.

Серветта подходит к Вдове.

Серветта: Будьте счастливы, голубки.

Вдова: Я уже счастлива.

Арлекино-Микеланджело: И я не прочь.

Вдова: А знаешь ли ты, моя любовь, что художники замыслили заговор против тебя.

Арлекино-Микеланджело: Великий замысел.

Вдова: Они хотят оскандалить тебя через меня. Тогда тебя казнят.

Арлекино-Микеланджело (*обнимает вдову*): Так позорь меня.

Вдова: Я увидела, ты чистый и честный юноша. Я потратила эти деньги на ожерелье. Сегодня я налью тебе доброе вино и зажгу свечи.

Доктор (*выходит на сцену*): Это же надо! Совсем не берегут свое здоровье!

Панталоне: Зачем тратиться на свечи.

Капитан: Я его поймаю и убью из-за угла.

Серветта: Моя хозяйка — щедрая на ласку женщина.

Арлекино-Микеланджело и Вдова: И все в Болонье будут счастливы!

Раскланиваются.

Альдовранди: Доволен ли ты увиденным?

Микеланджело: Потерял свое время.

Альдовранди: Не будь так суров, Микеланджело. Согласись, что это забавно и нет ничего тайного, что не стало бы явным. О тебе говорят много и многое. Говорят, что ты вскрывал трупы, чтобы лучше изобразить натуру.

Микеланджело: Не интересуюсь тем, что обо мне говорят.

Альдовранди: О, если бы ты знал все, что о тебе говорят, тебе стало бы не по себе.

Микеланджело: Я чувствую. Мне больно.

Альдовранди: Будет еще больнее.

Микеланджело: Моя судьба: иметь боль и сопротивляться ей.

Альдовранди: Да, такова судьба твоя, мой юный друг. Только что можно противопоставить страданию, боли?

Микеланджело: Не обращать внимания.